

БЭЙЛИ

РАЗВОД

Ко мне (не) возвращайся, офицер!

Элина Бэйли

Развод. Ко мне (не) возвращайся, офицер!

<https://litres.ru/74531672>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Это Ольга, — говорит Артур, когда я, наконец, решаюсь спросить. — Да, у нас общий ребёнок. Все прошлом, Лид, не переживай. Это было случайно, я с ней не поддерживаю никакой связи. И тебя это не касается.

Он закрывает глаза, стараясь сохранить самообладание.

— Как давно? — с фотографии на меня смотрит ребенок. — Девочке года два, не больше. Теперь понятно, почему стало так много командировок, ты же у нас незаменимый сотрудник.

— Ну, началось! Успокой свой воспалённый мозг и не придумывай лишнего. Я тебе сказал: у нас было всего один раз. Все последствия тебя не касаются. Забудь об этом. Нашла, из-за чего скандал поднимать.

Содержание

1	4
2	10
3	15
4	20
5	25
6	29
7	33
8	38
9	43
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Развод. Ко мне (не) возвращайся, офицер!

1

— Это Ольга, — говорит Артур, когда я, наконец, решаюсь спросить. — Да, у нас общий ребёнок. Все прошлое, Лид, не переживай. Это было случайно, я с ней не поддерживаю никакой связи. И тебя это не касается.

Он закрывает глаза, стараясь сохранить самообладание.

— Как давно? — с фотографии на меня смотрит ребёнок. — Девочке года два, не больше. Теперь понятно, почему стало так много командировок, ты же у нас незаменимый сотрудник.

— Ну, началось! Успокой свой воспалённый мозг и не придумывай лишнего. Я тебе сказал: у нас было всего один раз. Все последствия тебя не касаются. Забудь об этом. Нашла, из-за чего скандал поднимать.

Лидия

- Лид, ты когда за меня замуж выходила, сразу поняла, что я до полковника дослужусь? - Артур поправляет погоны

перед зеркалом. В отражении - подтянутый, с легкой сединой на висках, гладко выбрит.

Я застегиваю серьгу, улыбаюсь ему в спину.

- Ты на первом свидании сказал, что десять лет будешь командовать армией. Я тогда подумала: или гений, или нарцисс.

Он оборачивается, смеётся.

- А теперь что думаешь?

- Теперь знаю - и то, и другое, - расплываюсь в улыбке.

Артур подходит, обнимает, целует в макушку. От него пахнет дорогим одеколоном, запах от которого мурашки бегут спине.

- А представляешь, если бы мы с тобой где-то в цивилизации остались? Ты бы уже диссертацию свою двадцать раз защитила, из театров бы не вылазила. Вела бы, наверное, божественный образ жизни.

- Ага, я была бы слишком хороша, поэтому мир направил меня сюда, целую мужа в щеку.

- И ни разу не пожалела? - спрашивает уже серьезнее, заглядывая в глаза.

Конечно, пожалела. Тысячу раз за четырнадцать лет. До замужества жила в центральной части страны, окончила исторический факультет хорошего вуза. Конечно, выходя замуж за Артура, понимала, что наша жизнь теперь больше похожа на русскую рулетку.

Сначала планировали переезд в Калининград, потом в

Сызрань, а оказались в Забайкалье, гарнизон Степной. До Читы - четыре часа по грунтовке, зимой - минус сорок, летом - гнус и пыль.

Артуру хорошо. Он здесь командир полка связи, начальство его ценит, подчинённые уважают. А у меня? Библиотека при Доме офицеров, кружок для детей, но я научилась не ныть.

- Да нормально, - отвечаю легко. - Забайкалье - суровая мужская красота. Степь, горы, граница с Китаем. Экзотика.

Вру. Но привыкла. И он знает, что вру, но мы оба делаем вид, что всё хорошо.

- Алёна приедет? - спрашиваю, чтобы сменить тему.

Артур вздыхает.

- Сказала, что подумает, она теперь девочка взрослая, хочет посещает официальные мероприятия, а если не хочет...
- муж меняет интонацию. - Терпеть не может наши сборы, опять эти люди в погонах и их дурацкие тосты. ,

Я улыбаюсь. Алёнке пятнадцать лет, моя копия по характеру: умная, колкая, независимая. Артур её обожает, но их любовь - это вечный спор. Она мечтает поступать в Питер на культурологию.

- Артур, мы снова опаздываем! Смотри, всем звездочки раздадут, пока ты копаешься.

- Иду, - муж сгребает меня в охапку. - Если бы не бы не руководство из столицы, я бы послал всех к черту и с тобой лучше побыл, - хитро подмигивает.

- Идем!

Садимся в машину, Артур гордится ею как вторым ребёнком. Я не люблю на ней ездить - широкая, на грунтовке её заносит. Но сегодня я за рулём: он будет принимать поздравления, а мне ещё довести его домой в целости.

Отъезжаем. За окном - сопки, покрытые чахлым лесом, потом степи, переходящие в бесконечную серую ленту дороги. Гарнизон наш - сорок домов, школа, детский сад,.

Подъезжаем к Дому офицеров - неказистому зданию из силикатного кирпича, но сегодня украшенному гирляндами и растяжкой Слава защитникам Отечества!. У входа - человек двадцать: офицеры в парадных костюмах, несколько женщин в нарядных платьях. Артура встречают рукопожатиями, хлопками.

- А вот и новый полкан приехал. А мы уже думали что ты зазнался и хочешь избежать нашего общества! - басит его заместитель, подполковник Громов. — Артур Сергеевич, мы вами гордимся!

- Ладно, ладно, - Артур улыбается, но в глазах - довольная гордость. - Без вас бы не получилось.

Мужики уходят в зал, женщины - в малую гостиную. Ко мне подходит Наташа, жена Громова, вечная сплетница, но душевная.

- Лида, ты красотка! - она разглядывает моё платье. - Из Читы везла?

- Заказывала в интернете, - я сажусь к столу. - С доставкой

полтора месяца.

- Наша действительность. Я у мамы в отпуске была, там там за два дня все приходит, а мы как на другой планете, - вздыхает Наташа. - Зато мужчины - орлы. Твой-то вон какой: и красивый, и при должности.

В зале начинаются тосты. Мужики шумят. Слышен голос Артура - он рассказывает историю, все смеются. Потом кто-то кричит:

- А ещё поднимем за тыл! За тех, кто обеспечивает нам уют, правильное психологическое состояние, готовит и отстирывает! А в наших реалиях- это вам не пшик! И в гарнизоне, и в командировках!

Громов добавляет шепотом.

- И за зазнобушек, без них в командировках скучно!

Он смеётся, и мужики смеются. А мне становится гадко, все знают, что в гарнизоне есть несколько гуляк, они уже и не шифруются.

Музыку делают громче, мужчины начинают стекаться к нам.

- Разрешите, - улыбается Артур, протягивает мне руку. - Может, потанцуем?

Обнимаю его за широкие плечи.

- А у тебя тоже есть зазнобушка? - подмигиваю, как будто перевожу все в шутку.

- А мне не зачем? Это вон у Смирнова баба, как атомная война страшна, вот он в командировках прекрасного наби-

рается. А ты - умница и красавица. Устал я уже от шума, выпил для настроения, может, домой пора? Если Аленка еще не вернулась, то вдвоем успеем побыть, - Артур проводит пальцем по моей спине. - Настроение у меня игривое.

Выезжаем от Дома офицеров. За окнами - степь, темень, только редкие огоньки гарнизона. Артур откинул кресло, расстегнул верхнюю пуговицу кителя.

- Хорошо посидели, - тянет он довольно. - Громов - молодец. И мужики свои, не то что с этим проверяющим из штаба округа. Душевно у нас, хоть и дыра дырой.

- Ага, - я сжимаю руль, смотрю на дорогу. - Только Громов твой языком молоть мастер. "Зазнобушки" у вас, у всех, оказывается. Как интересно, - стараюсь перевести в шутку, но плохо получается. Гоню от себя тревожные мысли, но они никуда уходить не собираются.

- Да шутят они, Лид, ты чего? - Артур поворачивается ко мне, кладёт ладонь на колено. - Ты же знаешь, у нас как в анекдоте: у кого совесть чиста, тот не краснеет. А в мужском коллективе принято чуть похвастаться своими похождениями, и приврать не грех. Так что не бери в голову. Ты у меня как собака - нюх вон как натренирован, чтобы ты запах чужой бабы не учуяла.

С носом у меня и правда беда. Настолько чувствительна к запахам, точно бы не пропустила.

- А у тебя чиста? - смотрит на меня с прищуром. - Я рогатым ходить не буду. Помнишь, как в каком-то фильме - и одной стрелой, он убил обоих... И тебя, и козла твоего выве-

зу в тайгу, привяжу друг от друга подальше, но чтобы в поле зрения. И на недельку оставляю. И пусть уже мир и вселенная решают, что с вами будет.

- Артур, ты в своем уме? - смотрю на мужа, кажется, у него даже взгляд изменился.

- Да ты не переживай, мы же тут все, у друг друга, как на ладони. Если бы к тебе даже кто-то простой подошел, я бы уже обо всем знал. В твоей верности я не сомневаюсь ни капельки. - Он смеётся, гладит меня по бедру, сильнее надавливает. - Вот и ты мне верь. Я тебя одну вижу. И в командировках, и дома, поняла?

Убираю его руку - аккуратно, без резкости.

- Я в тебе тоже не сомневаюсь. Аккуратнее, дорога плохая, не отвлекай, а то вместо мягкой постели, будем на обочине. Он вздыхает, откидывается обратно.

- Ладно. Дома отыграемся, вдруг Алёнка ещё гуляет. - Артур разваливается на сиденье ещё сильнее. - Вот неправильно ты её как-то воспитываешь. У её отца сегодня важное мероприятие, а она не пришла. Маловата ещё взбрыкивать, тебе не кажется? Чужие люди пришли с назначением поздравить, а она: "Что я туда пойду, мне скучно". А потом из каждого ящика вещают, что родители для детей не авторитет.

- Артур, ну, если не выпивать и не собирать сплетни, то мероприятия и правда так себе. Себя вспомни, тебе очень интересно с родителями было?

- Вечно ты её защищаешь!

Заезжаем во двор. В окнах квартиры - темно.

- Ну и где наша блудная дочь? - Артур вылезает из машины, потягивается. - Подростки, блин. Ну и ладно. Меньше свидетелей.

В прихожей он стаскивает китель, аккуратно вешает на плечики. Я снимаю туфли, иду на кухню - поставить чайник.

- Лида, - зовёт из спальни. - Иди сюда.

- Сейчас чай поставлю.

- Нет, иди.

Голос игривый, настойчивый. Захожу, он лежит на кровати, расстегнув рубашку, смотрит на меня с прищуром.

- Ты какая-то задумчивая. Обиделась, что ли, на шуточки мужицкие? Ну как в первый раз, ей-богу.

Муж уже готов к подвигам, а меня из головы всё не идут эти "казнобушки".

- Нет, - сажусь рядом на край кровати. - Устала просто.

- Расслабься, - он тянет меня за руку, я падаю на подушку.

- У нас сегодня праздник. Мой праздник, может, ты меня и тут поздравишь?

Целует в шею, пальцы расстёгивают молнию на платье. Я закрываю глаза. В голове набирает скорость карусель: "казнобушка", "скучно в командировках", его рука на колене, довольное лицо.

Слышу, как поворачивается дверь в замке.

- Вы уже дома? Я думала, вы за полночь приедете, - голос Алёны, тяжёлый вздох.

Быстро встаю с кровати, иду встречать дочь.

- Чай будешь?

- Буду, - она расплывается в улыбке, но выглядит немного тревожной. - А я пойду папочку поздравлю.

Иду на кухню. Я давно придерживаюсь мнения: если Алёна не хочет сама рассказывать, то я приставать не буду. Всё равно ничего не скажет, а только поругаемся.

Ставлю чайник, иду обратно в комнату. Останавливаюсь у зеркала, чтобы поправить волосы.

И слышу.

- Папа, а ещё тебе Олюшка привет передавала! - голос дочери звонкий, нарочито спокойный. - Она сказала, что на её звонки и сообщения ты не отвечаешь. А не поздравить с повышением она тебя не могла.

- Что? - голос мужа меняется, становится ниже, жёстче. - Какая Олюшка?

Пауза. Я замираю у зеркала, смотрю на своё отражение. Щёки бледные.

- Ты матери ни слова, - рычит Артур, уже почти шёпотом. - Слышишь, Алёна?

- А чего бояться-то? - дочь не уступает. - Если ничего такого нет?

- Ты вообще не знаешь, о чём говоришь. Это моя знакомая, бывшая. И не твоего ума дела.

- Бывшая, которая родила от тебя ребёнка? - Алёна повышает голос. - Я не маленькая, папа. Я всё проверила, нужно

выходить из своих "секретных" социальных сетей, когда выключаешь ноут.

Гул в ушах. Прислоняюсь к стене, чтобы не упасть. Ребёнок?

Артур молчит секунду, потом говорит очень тихо, но я слышу каждое слово:

- Сколько ты уже знаешь?

- Сегодня. И как понимаешь, от мамы я скрывать это не буду, только пока не знаю, как сказать.

- Всё, хватит, - отрезает Артур, уже почти шепотом. За-молчи. Я сам решу, когда и что говорить. А ты - молчи. Поняла?

Выезжаем от Дома офицеров. За окнами - степь, темень, только редкие огоньки гарнизона. Артур откинул кресло, расстегнул верхнюю пуговицу кителя.

- Хорошо посидели, - тянет он довольно. - Громов - молодец. И мужики свои, не то что с этим проверяющим из штаба округа. Душевно у нас, хоть и дыра дырой.

- Ага, - я сжимаю руль, смотрю на дорогу. - Только Громов твой языком молоть мастер. "Зазнобушки" у вас, у всех, оказывается. Как интересно, - стараюсь перевести в шутку, но плохо получается. Гоню от себя тревожные мысли, но они никуда уходить не собираются.

- Да шутят они, Лид, ты чего? - Артур поворачивается ко мне, кладёт ладонь на колено. - Ты же знаешь, у нас как в анекдоте: у кого совесть чиста, тот не краснеет. А в мужском коллективе принято чуть похвастаться своими похождениями, и приврать не грех. Так что не бери в голову. Ты у меня как собака - нюх вон как натренирован, чтобы ты запах чужой бабы не учуяла.

С носом у меня и правда беда. Настолько чувствительна к запахам, точно бы не пропустила.

- А у тебя чиста? - смотрит на меня с прищуром. - Я рогатым ходить не буду. Помнишь, как в каком-то фильме - и одной стрелой, он убил обоих... И тебя, и козла твоего выве-

зу в тайгу, привяжу друг от друга подальше, но чтобы в поле зрения. И на недельку оставляю. И пусть уже мир и вселенная решают, что с вами будет.

- Артур, ты в своем уме? - смотрю на мужа, кажется, у него даже взгляд изменился.

- Да ты не переживай, мы же тут все, у друг друга, как на ладони. Если бы к тебе даже кто-то простой подошел, я бы уже обо всем знал. В твоей верности я не сомневаюсь ни капельки. - Он смеётся, гладит меня по бедру, сильнее надавливает. - Вот и ты мне верь. Я тебя одну вижу. И в командировках, и дома, поняла?

Убираю его руку - аккуратно, без резкости.

- Я в тебе тоже не сомневаюсь. Аккуратнее, дорога плохая, не отвлекай, а то вместо мягкой постели, будем на обочине. Он вздыхает, откидывается обратно.

- Ладно. Дома отыграемся, вдруг Алёнка ещё гуляет. - Артур разваливается на сиденье ещё сильнее. - Вот неправильно ты её как-то воспитываешь. У её отца сегодня важное мероприятие, а она не пришла. Маловата ещё взбрыкивать, тебе не кажется? Чужие люди пришли с назначением поздравить, а она: "Что я туда пойду, мне скучно". А потом из каждого ящика вещают, что родители для детей не авторитет.

- Артур, ну, если не выпивать и не собирать сплетни, то мероприятия и правда так себе. Себя вспомни, тебе очень интересно с родителями было?

- Вечно ты её защищаешь!

Заезжаем во двор. В окнах квартиры - темно.

- Ну и где наша блудная дочь? - Артур вылезает из машины, потягивается. - Подростки, блин. Ну и ладно. Меньше свидетелей.

В прихожей он стаскивает китель, аккуратно вешает на плечики. Я снимаю туфли, иду на кухню - поставить чайник.

- Лида, - зовёт из спальни. - Иди сюда.

- Сейчас чай поставлю.

- Нет, иди.

Голос игривый, настойчивый. Захожу, он лежит на кровати, расстегнув рубашку, смотрит на меня с прищуром.

- Ты какая-то задумчивая. Обиделась, что ли, на шуточки мужицкие? Ну как в первый раз, ей-богу.

Муж уже готов к подвигам, а меня из головы всё не идут эти "казнобушки".

- Нет, - сажусь рядом на край кровати. - Устала просто.

- Расслабься, - он тянет меня за руку, я падаю на подушку.

- У нас сегодня праздник. Мой праздник, может, ты меня и тут поздравишь?

Целует в шею, пальцы расстёгивают молнию на платье. Я закрываю глаза. В голове набирает скорость карусель: "казнобушка", "скучно в командировках", его рука на колене, довольное лицо.

Слышу, как поворачивается дверь в замке.

- Вы уже дома? Я думала, вы за полночь приедете, - голос Алёны, тяжёлый вздох.

Быстро встаю с кровати, иду встречать дочь.

- Чай будешь?

- Буду, - она расплывается в улыбке, но выглядит немного тревожной. - А я пойду папочку поздравлю.

Иду на кухню. Я давно придерживаюсь мнения: если Алёна не хочет сама рассказывать, то я приставать не буду. Всё равно ничего не скажет, а только поругаемся.

Ставлю чайник, иду обратно в комнату. Останавливаюсь у зеркала, чтобы поправить волосы.

И слышу.

- Папа, а ещё тебе Олюшка привет передавала! - голос дочери звонкий, нарочито спокойный. - Она сказала, что на её звонки и сообщения ты не отвечаешь. А не поздравить с повышением она тебя не могла.

- Что? - голос мужа меняется, становится ниже, жёстче. - Какая Олюшка?

Пауза. Я замираю у зеркала, смотрю на своё отражение. Щёки бледные.

- Ты матери ни слова, - рычит Артур, уже почти шёпотом. - Слышишь, Алёна?

- А чего бояться-то? - дочь не уступает. - Если ничего такого нет?

- Ты вообще не знаешь, о чём говоришь. Это моя знакомая, бывшая. И не твоего ума дела.

- Бывшая, которая родила от тебя ребёнка? - Алёна повышает голос. - Я не маленькая, папа. Я всё проверила, нужно

выходить из своих "секретных" социальных сетей, когда выключаешь ноут.

Гул в ушах. Прислоняюсь к стене, чтобы не упасть. Ребёнок?

Артур молчит секунду, потом говорит очень тихо, но я слышу каждое слово:

- Сколько ты уже знаешь?

- Сегодня. И как понимаешь, от мамы я скрывать это не буду, только пока не знаю, как сказать.

- Всё, хватит, - отрезает Артур, уже почти шепотом. За-молчи. Я сам решу, когда и что говорить. А ты - молчи. Поняла?

Так, если у Артура есть любовница, то странно, что она так долго не объявлялась. Я, конечно, могу поверить, что она живет за Полярным полюсом, где интернет и телефонную связь еще не провели.

Сажу на краю ванной, пытаюсь найти выход. Уйти прямо сейчас - нужно понимать куда. Поехать к родителям в среднюю полосу - нужны деньги, время и немного подготовки.

Открываю дверь, по квартире разносится храп. Артур лежит на животе, раскинув руки, рубашка задралась до лопаток, лицо расслабленное, почти беззащитное. Только сейчас, в этом тихом сне, я замечаю, как сильно он сдал за последние два года. Или мне просто кажется, потому что я смотрю на него новыми глазами - глазами женщины, которую только что предали.

Сажусь на край кровати, осторожно, чтобы не скрипнули пружины. Сердце колотится где-то в горле, пульс отдаётся в висках глухими толчками. Ольга. Ольга! Имя пульсирует в голове, как заноза, которую невозможно вытащить. Чем она лучше? Что в ней такого, чего нет во мне? Моложе? Свежее? Или просто другая, не такая привычная, не такая надоевшая за четырнадцать лет гарнизонной жизни?

Пытаюсь успокоиться, разложить факты по полочкам. Алёна сказала про Ольгу и про ребёнка. Дочь не стала бы

врать - она всегда была прямой и резкой, да и Артур сам все подтвердил. Может быть, где-то есть фотография? Где? В телефоне Артура? В его соцсетях? Или эта женщина сама написала дочери? Мысли разбегаются, как перепуганные тараканы, я не могу их остановить.

Встаю. Ноги сами несут в коридор.

На тумбочке в прихожей - его телефон. Чёрный, в потертом кожаном чехле, с трещинкой на экране. Ввожу пароль. Экран разблокируется.

Листаю. Мессенджеры — одни рабочие чаты: «Связь-полк», «План на неделю», «Срочно». Переписка с Грозовым - только про наряды и технику. Смс от меня - последнее «купи хлеба» и «не забудь погладить форму». Ни одного женского имени. Ни одного подозрительного звонка. Не одного удалённого сообщения - или он их чистит регулярно. Всё стерильно, до скрипа. Слишком чисто, чтобы быть правдой.

Может, у него есть второй телефон? ну не может же он все время факты и улики удалять?

Я опускаюсь на корточки, прижимаюсь спиной к холодной стене коридора. Где он его прячет? Что он берёт с собой в каждую командировку? Чемодан. Вон тот, старый, чёрный, что стоит в кладовке.

Иду в кладовку. Тяну чемодан на середину коридора, щёлкаю замками. Внутри - пусто, я проверяю каждый карман, каждый потайной отсек, каждый шов. В боковом кармашке, застегнутом на маленькую молнию, нахожу запасную сим-

карту в прозрачном пакетике.

Симка ложится в мою ладонь - тёплая, почти невесомая. Это улика. Но что с ней делать? Кому она принадлежит? Может, это как раз та, по которой ему звонит Ольга?

Прячу симку в карман халата.

Сажусь прямо на пол в коридоре, скрестив ноги по-турецки. Пол холодный, пробирает до костей. В голове тишина, а потом рождается мысль - сначала робкий шёпот, потом уверенный голос. А вдруг я ошиблась? Вдруг никакой Ольги нет? Вернее, она есть, но не у Артура, а у Громова? Или у Смирнова? А Алёнка просто перепутала? Или специально сказала, чтобы меня разозлить? Проговариваю все моменты, пытаюсь найти какую-то истину.

Я закрываю лицо руками. Как же это всё унижительно. Почти двадцать лет знакомы, столько лет замужем - и вот я, жена полковника, мать пятнадцатилетней дочери, сижу на полу в три часа ночи, роюсь в карманах собственного мужа, как ревнивая идиотка из дешёвого мыльного сериала. Стыд обжигает щёки, подкатывает к горлу горьким комком. Хочется разреветься — не от обиды на него, а от унижения. Оттого, что сама себя довела до такого.

Но внутри тут же включается другой голос. Холодный, жёсткий, тот самый, который помогал мне выживать в этом гарнизоне все эти годы. "А что ты хотела? Ты - жена офицера. Не ной. Он сам начал. Он сам гаркнул при дочери: "Матери ни слова!"

Иду в комнату Алёны, раз уж решила пройти по своей совести, то чего уж теряться. Дверь приоткрыта, как всегда - она никогда не запирается, даже когда мы ссоримся. Захожу на цыпочках, стараясь не скрипеть половицами. Алёна спит, свернувшись клубочком, одеяло сползло на пол, подушка съехала набок.

На столе - её старый ноутбук, потрёпанный, с потёртой крышкой. Экран приоткрыт, индикатор моргает жёлтым. Провожу пальцем по тачпаду. Экран загорается.

Чувствую себя предательницей. Это её личное пространство, её переписки, её тайны. Я не имею права сюда лезть. Но шепчу себе, как мантру: "Всё, что не про него - не смотрю, не запоминаю. Я сейчас не мать, я только жена, которая пытается понять, врёт ли её муж".

Открываю браузер, захожу в её социальную сеть. Список друзей - одноклассники, учителя, подруги по гарнизону, несколько девочек из Читы. Никакой Ольги. Диалоги - в основном болтовня с подружками, обсуждение музыки, глупые мемы. Но есть один странный чат - без имени, с аватаром-заглушкой, серая картинка. Открываю.

Три сообщения.

Неизвестный:Привет, Алёна. Меня зовут Ольга. Я думаю, нам нужно познакомиться. Я знаю твоего папу. Давай созвонимся, хорошо?

Алёна:А зачем?

Неизвестный:Может быть, эта фотография ответит на

твой вопрос...

"Изображение удалено"

Что там было? Я смотрю на серый квадрат на месте удалённой картинки, и внутри всё леденеет. Пальцы дрожат так сильно, что я едва попадаю по клавишам.

Захожу в профиль отправителя. Профиль создан три недели назад. Ни одной фотографии, ни одного друга, ни одной записи на стене. Только одно сообщение в чате с Алёной. И ещё одно - отправленное вчера, в семь вечера, пока мы собирались на праздник: "Передай отцу, что я его помню. И пусть перестанет делать вид, что меня не существует".

Земля уходит из-под ног. Я сижу на стуле дочери, смотрю на эти строчки, и мир вокруг рассыпается на мелкие осколки.

- Лида, спасибо за завтрак, как всегда, очень вкусно, - Артур отхлёбывает кофе, закидывает в рот последний кусочек бутерброда.

Я стою у плиты, делаю вид, что вытираю посуду. Смотреть ему в глаза не могу, и сорваться, и дать ему по голове - сейчас еще не время.

- И ловко ты меня вчера провела, - усмехается он, подходит сзади, обнимает. - Или это я перепил и нас с тобой подвел? Ну, все мои фантазии так и остались со мной. Так недолго и до любовницы... что это ты у тебя муж невылюбленный ходит, а?

От заявления аж поперхнулась. Сжимаю полотенце, пальцы белеют. Он смеётся - не видит моего лица.

- Артур, ты за временем следи, - говорю ровно, стучу пальцем по часам на стене. - Опоздаешь, твой же проверяющий потом голову открутит.

- Ну, я поехал. Сегодня проверка из штаба, буду поздно. А приготовь солянку, что-то так хочется, а? - он наклоняется, целует меня в щеку.

Шаги в прихожей. Щелчок ремня, хлопок двери. Эти звуки всегда были такими четкими, или это мой воспаленный мозг так реагирует.

Я смотрю ему из окна вслед. Машина отъезжает, пыль

столбом по грунтовке. По спине бегут мурашки от мысли, что я у него не одна. Надо как-то выходить на разговор, но нужны доказательства. Просто "мне показалось" здесь не прокатит. Он выкрутится, я его знаю.

Возвращаюсь в спальню. Падаю на кровать, лежу ещё полчаса, гляжу в потолок.

Смотрю на часы - пора будить дочь. Встаю, иду по коридору. Замираю у её двери. Мысль ползёт в голову: проверить её страницу ещё раз. Вдруг вчера мне почудилось? Вдруг всё не так страшно? Рука тянется к ручке.

- Мам, я уже не сплю, - слышу голос дочери из-за двери.

Захожу в комнату.

- Доброе утро, - говорю, стараясь улыбнуться.

На кухне ставлю на стол сковороду с яичницей, наливаю какао. Сажусь рядом. Алёна ковыряет вилкой в тарелке, почти ничего не ест.

- Ты не голодна? - спрашиваю.

Она вдруг кладёт вилку.

- Мам, - поднимает на меня глаза. Смотрит прямо, твёрдо.

- Ты вчера лазила в моём ноутбуке?

У меня холодеют пальцы. Ставлю кружку на стол, чтобы не выдать дрожь. Ненавижу ложь. Да и не должна я юлить, я же не преступница, чёрт возьми.

- Да, у меня телефон сел, а мне надо было название одного лекарства посмотреть, - говорю первое, что приходит в голову. Даже не знаю, зачем вру, привычка прикрываться.

- Ты не закрыла браузер. И историю просмотров не стёрла, - голос у неё ровный, но холодный. - Я посмотрела, куда ты заходила, мам. В мою переписку.

Неловкая тишина. У обеих горят щёки. Я смотрю в стол.

- Прости, - говорю тихо. - Я не должна была. Но я вчера слышала ваш с отцом разговор. И мне, конечно, надо понимать, что и как. Я не хочу никого из вас трясти. Если ты решила пока молчать - это твоё решение. И, наверное, у тебя для этого есть основание.

- Мам, я хочу, чтобы ты знала, - она теребит указательный палец, не глядит на меня. - Я не предательница. Я никогда тебя не предавала. И мне стыдно, что ты могла так подумать.

- Алёна, - тяну руку через стол, накрываю её пальцы. Они холодные, замерзшие. - Я и не думала, что ты предательница, даже мысли такой не было. Ни одной секунды.

- Правда? - смотрит с недоверием.

Интересно, что думает обо мне дочь? Что я монстр или тряпка?

- Правда. Ты мой ребёнок. Ты не способна на предательство, во всяком случае, я тебе верю.

Она выдыхает. Сжимает мою руку в ответ.

- И мне очень жаль, что взрослый человек решил втянуть тебя в это, - продолжаю, глядя её по пальцам. - Но давай пока не будем пороть горячку. В интернете чего только не пишут, кто кем не представляется. Мне нужно собрать немного фактов, чтобы вывести отца на разговор.

- А если факты подтвердятся? - шепчет она.

- Значит, будем думать дальше. Но по головам не победим.

Я замолкаю. Смотрю в окно. К сожалению, я слишком хорошо знаю своего мужа. Он из тех людей, что умеют выкрутиться из любой ситуации.

- А что мне было делать? - Алёна пожимает плечами. В её голосе прорывается отчаяние- звонкое, подростковое. - Сказать тебе и разрушить семью? Или пойти к нему, чтобы он соврал? Я не знала, мам! Я просто не знала, вот и решила пока молчать.

Она замолкает. По щекам текут слёзы. Вытирает их тыльной стороной ладони, зло, по-взрослому.

- Я боялась, что ты меня виноватой сделаешь, что скажешь: почему сразу не сказала.

- Дурочка, - я встаю, обхожу стол, сажусь рядом. Обнимаю её, прижимаю к себе, глажу по голове. - Ты - самое дорогое, что у меня есть. Как я могу тебя винить? Ты спасла меня. Ты дала мне время собраться.

- Собраться? - она поднимает заплаканное лицо.

- Да. Перестать быть тряпкой.

Она почти улыбается. Вытирает последние слёзы, кивает. Смотрит на часы.

- Мне пора. У нас контрольная.

- Беги.

6

- Через десять минут совещание, - секретарь снова всех оповещение.

Еще есть немного времени, выпить кофе.

Звонок разрывает тишину кабинета.

Телефон вибрирует на столе, экран загорается белым светом. Я смотрю на имя и медлю, Ольга всегда звонит не в то время.

- Да.

- Привет, - её голос тихий, хриловатый. Таким он бывает по утрам или когда она волнуется.

- Привет, - отвечаю, откидываясь в кресле. - Ты чего так рано?

- Соскучилась, - слышу, как она улыбается. - И хочу спросить: когда ты приедешь?

Вопрос виснет в воздухе. Я знал, что когда-то ей надоест ждать, она начнет наступать, напомнить о себе чаще, чем бы мне этого хотелось.

- Не знаю пока, график плотный.

- Раньше, - она делает паузу, - командировки были сильно чаще. А сейчас раз в месяц, и то на день приедешь и сразу назад.

Я смотрю в окно. На плацу солдаты маршируют, слышны команды. Гарнизон живёт своей жизнью.

- Ты же знаешь, - вздыхаю, - я человек подневольный, не я командировки назначаю. Начальство скажет - еду, не скажет - сижу.

Молчу, она права. Раньше я сам искал поводы уехать.

- Как там Машка? - спрашиваю, чтобы сменить тему. Машка - это мой спасательный круг. Когда говорю о ней, Ольга всегда оттаивает.

- Хорошо, - голос теплеет, я это слышу даже через динамик. - Зубик у неё выпал нижний. Я под подушку положила, мы записку фее написали. Приезжай, она тебе покажет. И дырочку покажет, и записку.

- Маленькая, - говорю, и сам не узнаю свой голос. Слишком мягкий для полковника, который только что раздавал втыки за несдачу рапортов.

- Маленькая, - соглашается она. - И она растёт, пока ты там своей жизнью живёшь.

И вдруг без перехода:

- Слушай, а может, я сама к тебе приеду?

У меня рука замирает на столе.

- Куда?

- В гарнизон, - говорит спокойно, будто предлагает сходить в кино. - Ненадолго. Вечер, ночь, утро. Просто немного вместе побыть. Не в командировке же, когда ты на бегу, между совещаниями и проверками.

- Ты с ума сошла? - сажусь прямее, голос становится жёстче. - Здесь жена, дочь, соседи, весь гарнизон на виду. У меня

каждый шаг под контролем. Любая машина чужая - уже новость. Что про меня скажут, если у подъезда баба с ребёнком появится?

- А как ты себе это представляешь? - в её голосе прорывается злость. - Я жду, Артур, у всех мужик рядом - по вечерам ужин, по утрам кофе. А я как ждуля, только жду не из тюрьмы, между прочим.

- Тихо, - давлю голос. Оглядываюсь на дверь, за стеклом никого, секретарша ушла. - Не горячись.

- А чего ты мне тогда звонишь по ночам, когда она спит? Чего шепчешь, что любишь и всё будет? Когда это "будет", Артур? Когда Машка в школу пойдёт?

Я закрываю глаза. В голове - каша. Лида. Алёна. Ольга. Машка. Четыре женщины, и все от меня чего-то хотят.

- Не надо резких движений, - говорю медленно, чеканя каждое слово. - Поняла? И от Алены держись подальше, я пока ей лапши на уши навешал, она хоть и ребенок, но мозги у нее как надо работают.

- Я просто взбесилась, - голос становится жёстким, металлическим. - Сижу я тут, в этой двушке, цветы поливаю, Машку укладываю, а ты там - при параде, с женой на мероприятиях, все тебя поздравляют. Полковник, мать его. Звёзды новые. И никто не знает, что у тебя есть ещё я.

- Ты мать моего ребёнка, - говорю твёрдо.

- А она жена, - отвечает так же твёрдо. - Я это каждый день помню. Каждую ночь. Каждый раз, когда ты уезжаешь.

Я тру лицо рукой. Ладонь шершавая, щетина уже пробивается. Не брился с утра.

- Зачем, Ольга? Зачем ты это сделала?

- Чтобы не забывал, что у тебя есть ещё кто-то, кроме твоей идеальной семьи.

Голос дрожит. Она почти плачет, но держится. Ольга умеет держаться. .

- Прости, - говорит тихо. - Я не хотела, честно. Одна ночью сижу, тебя жду, Машка температурит. А ты в смс пишешь: "Поздравляют, занят, позвоню". Я и сорвалась.

Я молчу. Потому что нечего сказать.

- Скоро всё будет хорошо, - говорю то, что говорю всегда.

- Когда? - она перебивает, и я слышу, что она плачет.

- Не знаю, - честно говорю. - Но скоро.

Я смотрю в окно. Солдаты уже разошлись, плац пустой. Ветер гоняет пыль по асфальту.

- Приезжай хоть на выходные, - просит она. - Машка по тебе плачет, спрашивает, где папа. Я говорю, что в командировке.

- Попробую, - говорю. - Ничего не обещаю.

Она психует, снова бросает трубку.

Мысль одна, и она ходит по кругу, как зверь в клетке: как с ним говорить? Как сесть напротив, посмотреть в эти уверенные глаза и спросить: "У тебя есть другая?" Он улыбнётся, я знаю эту улыбку - снисходительную, чуть насмешливую. Пожмёт плечами, откинёт голову на спинку дивана и скажет: "Лида, опять ты выдумываешь. Мужики пошутили, а она уже трагедию устроила".

И я останусь дурой.

- Если у мужа кто-то есть, то я должна об этом знать. Хватит того, что вокруг меня все знают, а я в неведении. Захожу в семейный компьютер, по факту им пользуется только Артур, в танки гоняет. Пробую зайти в социальные сети - заходит без проблем. Ощущение, что Артур специально мне это подсовывает, чтобы усыпить бдительность, даже если что-то было, уже подчищено.

Встаю из-за стола. Ноги сами несут по кухне - туда-сюда, туда-сюда. Пол холодный, босиком неприятно, но я не чувствую холода. Сердце колотится где-то в горле. Пальцы сжимаются и разжимаются - хочется что-то сломать, разбить, закричать, только бы выплеснуть эту разрушающую энергию.

Мне нужны доказательства. Поворачиваюсь, смотрю на закрытую дверь дочкиной комнаты.

- Не надо, - шепчу себе, чувствую себя преступницей. - Не

надо туда лезть снова.

Но ноги уже идут. Открываю дверь, захожу. В комнате пахнет мятой и духами, которые я подарила на день рождения. Сажусь за стол. Крышка ноутбука приоткрыта, сенсор мигает жёлтым. Нажимаю кнопку, экран загорается. Она опять не поставила пароль.

Захожу в её страницу. Пальцы дрожат, я с трудом попадаю по клавишам. Открывается диалог. То самое сообщение: «Изображение удалено». Я смотрю на него и чувствую, как поднимается тошнота.

И вдруг - мысль: чужая, скользкая, гадкая. А что, если написать что-то от её имени?

Что я хочу ей сказать?

Но если она поверит, что говорит с дочерью Артура? Если решит, что Алёна на её стороне? Может, тогда она ляпнет лишнее. То, что станет доказательством.

Начинаю печатать. Руки трясутся, буквы прыгают.

«Привет. Это Алёна. Я подумала и решила тебе ответить».

Смотрю на экран. Нет, не то. Слишком официально. Стираю.

«Ольга, я всё знаю про тебя и папу».

Снова стираю, слишком прямо. Она испугается и замолчит.

Закрываю глаза на секунду. Вспоминаю, как Алёна говорит, когда злится, как огрызается.

Пишу снова:

"Привет. Это Алёна. Извини, что сразу не ответила. Я просто... сама не знаю. Дома всё достало. Мать со своими наравоучениями - учись, не гуляй, не смотри то, не слушай это. Вечно недовольная, всё ей не так. А отец всё время на работе. Мне кажется, ему с ней скучно. Они почти не разговаривают. Может, ему нужна кто-то другая, кто его понимает. Я не знаю, что делать. Просто хотела кому-то сказать".

Читаю, перечитываю. Похоже на правду? Алёна действительно иногда на меня огрызается. А про отца она однажды сказала: "Он как гость в нашем доме".

Нажимаю "отправить".

Сердце колотится так сильно, что я слышу стук в ушах. Смотрю на экран - сообщение ушло, сначала появляется зелёная галочка. И через секунду - вторая "Прочитано".

Я не дышу.

Секунда. Вторая. Третья. Тишина.

- Глупость какая, - шепчу я вслух, голос дрожит. - Зачем я это сделала? Она же поймёт. Или не поймёт? Что я несу?

Нажимаю "удалить". Система выводит окошко: "Отменить отправку для всех?" Да. Да, отменить.

Сообщение исчезает.

Я выдыхаю, так глубоко, что кружится голова.

Но поздно.

Экран моргает. Новое сообщение от Ольги.

"Алёна, я рада, что ты написала. Правда, рада. Я тебя понимаю, сама недавно была подростком, знаю, как это быва-

ет. Если хочешь, приезжай с отцом в город. Познакомимся. Только никому не говори, ладно? Это наш секрет. Я ничего плохого тебе не желаю. Честно".

Я смотрю на экран. Пальцы ледяные.

Она купилась. Или не купилась, но ответила. "Приезжай с отцом" - значит, они встречаются не только в командировках. Значит, он готов взять Алёну и приехать к ней. Познакомить дочь со своей любовницей.

Руки дрожат, но я снова набираю - теперь уже не думая.

"А зачем знакомиться? Ты же его любовница. Или он тебе обещал жениться?"

Отправляю, закрываю глаза - страшно.

Я смотрю, как появляются три точки, она печатает. Потом останавливается. Потом снова печатает.

"Это не твоё дело, Алёна. Ты ещё маленькая, таких вещей не понимаешь. Но если хочешь знать правду, то спроси у отца, почему он так часто бывает у меня".

Я закрываю ноутбук. Крышка щёлкает - громко, резко. Откидываюсь на спинку стула, смотрю в стену.

Встаю. Ноги подкашиваются, хватаюсь за край стола. Иду в ванную, шатаюсь, как пьяная. Включаю холодную воду. Ледяная струя бьёт в раковину. Плещу в лицо - раз, второй, третий, немного легче.

Смотрю на себя в зеркало. Глаза красные, веки припухли. Щёки бледные, губы сжаты в нитку. На виске пульсирует жилка. Кто эта женщина? Я не узнаю себя.

Теперь у меня есть доказательства. Не для суда, конечно, но для разговора. Для того, чтобы он не рассмеялся мне в лицо. Чтобы его улыбка сползла, чтобы он понял, что я знаю.

- Я поговорю с ней, не знаю! Я тебе потом позвоню, все скажу, - Артур с кем-то разговаривает, когда заходит домой. Слышу, как хлопает входная дверь.

Вздрагиваю, смотрю в окно, буквально считала минуты, прокручивала в голове слова, которые скажу, теперь они рассыпаются.

Он заходит на кухню, китель уже расстёгнут. Наклоняется, целует меня в щеку машинально, не глядя. Я отворачиваюсь, делаю вид, что вытираю столешницу.

- Устал как собака, - он трёт лицо рукой. - Эта проверка меня доконает. Громов сегодня такую отчётность принёс, хоть стой, хоть падай.

- Проходи, сейчас на стол накрою, - говорю ровно. Внутри все трепыхается, чувствую себя ужасно, как будто я самый большой свой предатель.

Артур подходит к столу, берет котлету. Уже устала ему напоминать про мытье рук. А сейчас как будто радуюсь, что он так ест - пусть у него скрутит живот со всей силы.

- Алёнка где? - спрашивает с набитым ртом.

- В своей комнате. Уроки делает.

- Угу, - он жуёт, не поднимая глаз. Артур быстро обмывает руки и идет в сторону детской.

- Пойду, проведу дочку.

Так, мои игры зашли слишком далеко. Сейчас во всем сознаться или немного подождать. Вдруг я себя накручиваю, и Артур просто соскучился... но раньше что-то не скучал.

- Не надо, она сейчас к контрольной готовится, - говорю слишком быстро. - Она сама выйдет. У неё контрольная завтра.

Артур смотрит на меня. Пристально. Я опускаю глаза.

- Что-то случилось? - спрашивает он.

- Всё нормально, - отрезаю.

Он усмехается и выходит из кухни. Я слышу его шаги по коридору, скрип двери в комнату Алёны.

Закрыл.

Сижу, вцепившись пальцами в край стола. Внутри всё леденеет. Так, какого черта ребенок отдувается за меня. Иду к комнате, открываю дверь.

Они оба поворачиваются ко мне. Артур стоит у стола, скрестив руки на груди, Алёна сидит на кровати, сжавшись в комок. Лицо красное, глаза мокрые. Но она держится, губы сжаты, подбородок дрожит, но она не плачет.

- Да ничего я ей не писала, - повторяет она, глядя на отца.
- Сколько раз повторять?

Артур открывает рот, но я не даю ему сказать.

- Артур, что случилось? Ты что на ребенка кричишь?

Муж поднимает брови. Смотрит на меня с удивлением.

- Что?

- Выйди, - повторяю. - Сейчас. Нам с дочкой поговорить

надо.

Он усмехается. Эта усмешка, как пощёчина, всегда так делает, когда я пытаюсь настоять на своём.

- Лида, я с ней разговариваю, - говорит спокойно. - Мы не закончили.

- А я говорю - закончили, - я делаю шаг вперёд. Потом ещё один. Подхожу к нему вплотную. Смотрю снизу вверх - он выше, шире, сильнее. Но сейчас мне плевать. - Ты пришёл домой и сразу начал допрос? Она ребёнок, Артур. Не твой солдат.

- Никто её не допрашивает, - он уже злится. Голос становится ниже, жёстче.

- Да? - я не отвожу взгляда. - А что тогда? Закрыв дверь, надел на неё. Я слышала. Я не глухая.

Он молчит. Смотрит на меня. В глазах — холод. Такой, от которого мне становится страшно. Но я не отступаю.

- Выйди, - говорю в третий раз. - Пожалуйста.

Последнее слово выдавливаю через силу.

Повисает тишина. Слышно, как Алёна всхлипывает, но сразу давит звук.

Артур переводит взгляд с меня на дочь. Потом обратно.

- Ладно, - говорит, наконец. - Ладно. Вы здесь бабские советы собирайте.

Поворачивается. Идёт к двери. Останавливается на пороге, оборачивается.

- Кстати, - голос уже обычный, будничный. - Из школы

звонили. Говорят, Алёна в последнее время уроки прогуливает и с ними грубит.

Я замираю.

- Что?

- То, - он пожимает плечами. - Завтра подойди к классной, разберись. А то дочка у нас нежная, а на деле - одни проблемы.

Выходит. Закрывает дверь.

Я поворачиваюсь к Алёне. Она сидит, обхватив себя руками. Губы дрожат.

- Это правда? - спрашиваю тихо.

- Какая разница? - она смотрит в пол. - Он всегда найдёт, к чему придраться.

- Алёна.

- Mam, не начинай, - она поднимает глаза. - Пожалуйста. Только не ты, у меня семья рушится, а вы про учебу!

Я сажусь рядом с ней на кровать. Беру её за руку. Ладонь холодная, пальцы ледяные. А ведь дочка права, все вокруг сейчас рушится, падает, как карточный домик. Страшно от этой мысли, что я взрослая женщина, не могу защитить своего ребенка. Я тебе обещаю, сегодня все это прекратится.

- Он спрашивал про переписку. Я сказала, что ты ничего не знаешь. И я сама не знаю, как быть дальше, боюсь и не хочу вашего развода, и если ты его простишь, мам, измена - это же так мерзко.

Прижимаю дочку к себе. Она дрожит.

- Я сегодня с отцом поговорю. Надо было еще ночью это сделать, Ален, мы тебя любим и будем любить всегда. Твоей вины нет, ты большая молодец, я понимаю твои переживания. Пожалуйста, оставь эти разборки нам с отцом. Прости, что тебе вообще пришлось в это погрузиться.

Отхожу от двери детской, останавливаюсь в коридоре. Слышу приглушённые голоса - Лида что-то говорит Алёне, но слов не разобрать. Достая телефон, набираю Ольгу. Она берёт после второго гудка.

- Я поговорил с Алёнкой, - говорю шёпотом, оглядываясь на дверь. - Кажется, не врёт.

- И что там Алёна? - её голос спокойный, но я слышу, она на взводе. Такой голос бывает, когда она сдерживается, чтобы не сорваться. - Я, по-твоему, дура? Или мне приснилось, что я с ней переписывалась?

- Говорит, что ничего не писала. Стоит на своём, может, взломали аккаунт.

- Взломали, конечно, - в её голосе сквозит усмешка. - Артур, ты сам-то в это веришь?

Тру лицо рукой. Ладонь шершавая, щетина уже пробивается. Не брился с утра.

- Не знаю, - отвечаю. - Может, ты себя накручиваешь.

- Я себя накручиваю? - она повышает голос, но тут же сбавляет: наверное, потому, что Машка рядом. - Она мне написала с этого аккаунта, я отвечала ей. Ты хочешь сказать, что я с хакером разговаривала? Может, она правда мать боится? Попробуй с ней наедине поговорить, толку больше будет?

Молчу. Понимаю, что звучит бредово. У Алёнки с Лидой всегда были хорошие отношения. Не идеальные, а у кого они идеальные? Обид друг на друга я за ними не замечал.

Или я просто ничего не знаю о том, что творится в моём доме?

Прохожу на кухню, сажусь за стол. Обед остывает. Картошка уже не парит, котлета затянулась плёнкой. Есть не хочется, но я накладываю себе полную тарелку, нужно чем-то занять руки.

- Ты у жены спроси, - добавляет Ольга тихо. - Может, это она написала с дочкиного аккаунта. Женщины на такое способны, ты знаешь.

- Лида не стала бы...

- Лида не стала бы? - перебивает она. - А ты уверен? Она что, не ревнует? Не проверяет тебя? Ты сам говорил, что она чувствительная, как собака. Может, давно всё поняла, а ты просто не замечал.

Смотрю в сторону детской, потом в сторону спальни. У нас с Лидой нормальные, застарелые отношения. Не вижу причины, чтобы она начала ревновать. Мы не ругаемся, не скандалим. Она не устраивает допросов, когда я возвращаюсь из командировок. Всегда встречает спокойно, готовит ужин, спрашивает, как дела, просто идеальная офицерская жена.

Слишком идеальная?

- Ладно, - говорю. - Я разберусь.

- Разберись, - отвечает Ольга. И вдруг её голос меняется, становится жёстче, холоднее. - Я не понимаю, зачем я на тебя давя, чтобы ты всё выяснил. Ты не понимаешь, что мне всё равно. Даже выгодно, чтобы ты был пойман с поличным.

- Что? - переспрашиваю. Отпиваю из Лидиной кружки чай, еле заваренное поило, совсем невкусно.

- То, - она говорит медленно, чеканя каждое слово. - Мою репутацию не запятнать. Я никто для их гарнизонного общества, а вот тебе потом долго отмываться. Так что лучше всё это безобразие предотвратить.

- Ты чего, Оль? - голос у меня хриплый. - Угрожаешь?

- Не угрожаю, - она вздыхает. - Предупреждаю, я не хочу, чтобы ты рушил свою жизнь и свою семью. Но и сидеть вечно в тени не собираюсь. Пойми, мне надоело.

Молчу. Смотрю в окно. За стеклом - серая степь. Ветер гоняет пыль по пустырю.

- Я перезвоню, - говорю.

- Перезвони, - отвечает она. И кладёт трубку.

Слышу шаги в коридоре. Дверь детской открывается. Лида выходит, лицо сосредоточенное, глаза сухие, но я вижу, она готова к бою. Вся сжатая, как пружина. Таким я её редко видел. Последний раз - когда у Алёнки был аппендицит, и Лида сама везла её в Читу по грунтовке в метель.

- Обед остыл, - говорю ей в спину. Она проходит мимо, не глядя. - Может, погреешь?

- Я не голодна.

- А я?

Заходит в спальню. Дверь закрывается.

Я остаюсь на кухне один. Смотрю на две закрытые двери - детской и спальни. Две женщины, которые мне дороже всех. И я между ними. И не знаю, как быть.

Достаю сигарету.

Я смотрю на телефон. Ольгин номер - вверху списка звонков, Лидин ниже. Жена и любовница. Две жизни. Две правды.

Тушу сигарету о край блюдца. Закрываю окно.

Иду в гостиную, ложусь на диван, даже не раздеваясь. Закрываю глаза. В голове - голоса. Ольгин, Лидин, Алёнкин. Переплетаются, как провода на столбе, ничего не разобрать. есть странное предчувствие, что Ольга права, но разве Лида бы смолчала? А если знает и ничего не говорит, значит, ее все устраивает?

- Артур, ну ты снова в кузне курил? Иди сюда! - Лида кричит из спальни. - Хватит молчать, делать, что мы ничего не знаем, давай поговорим. Иду в гостиную, ложусь на диван, даже не раздеваясь. Закрываю глаза. В голове - голоса. Ольгин, Лидин, Алёнкин. Переплетаются, как провода на столбе, ничего не . есть странное предчувствие, что Ольга права, но разве Лида бы смолчала? А если знает и ничего не говорит, значит, ее все устраивает?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.